

Сосед, Лин Чэн, выглядел совершенно естественно. Он лишь плотнее запахнул, прибавил огонь и сказал: «Пикник».

...Ну да, пикник, как же.

Линь Хайян скривился, не зная, что ответить. Соблазнительный аромат горячего котла плыл из соседней квартиры прямо ему в нос. Линь Хайян услышал, как его живот издал громкое урчание — видимо, он действительно изголодался.

Лин Чэн сохранял невозмутимый вид, помешивая соус, и тихо спросил: «Ещё не ел?»

Линь Хайян замялся: «Сейчас, сейчас поем».

Он внимательно посмотрел на Лин Чэна. В такой холод тот был одет лишь в тонкую рубашку и, похоже, уже изрядно продрог на улице — губы почти посинели. Даже рука, держащая палочки, слегка дрожала, пока он помешивал бульон. Но он всё равно держался прямо и, словно невзначай, предложил: «Если голоден, можешь присоединиться. Я не против».

Линь Хайян, хоть и был порой простодушен, дураком не являлся: «Брат Лин... Ты уверен, что всё в порядке? Тебе не холодно?»

Лин Чэн дёрнул уголком губ: «Конечно... не холодно». Его выражение было непроницаемым. «Если не придёшь, я продолжу есть здесь».

Линь Хайян: «...Я приду. Сейчас приду».

Пока он говорил, лапша внутри уже размякла. Линь Хайян зашёл в комнату, с сожалением взглянул на кружку, натянул поверх штанов ватные брюки и спустился к Лин Чэну.

Проводив взглядом, как соседский лягушонок вприпрыжку скрылся в доме (видимо, уже направляясь к нему), Лин Чэн, наконец, позволил своему напряжённому лицу слегка оттаять. Он убрал руки, которые на холоде почти одеревенели, и приготовился занести всё для горячего котла внутрь.

Лин Чэн слишком долго сидел на корточках. Попытавшись встать, он обнаружил, что ноги затекли. Он пошатнулся, едва не ткнувшись лицом в кипящий котёл. «...Тьфу».

Ещё днём он хотел позвать Линь Хайяна пообедать вместе. Но потом подумал: вчера они тоже ели вместе, позавчера — тоже... Со стороны могло показаться, будто он что-то замышляет.

Лин Чэн долго размышлял, просидев так изрядно. Увидев, как служебная машина Линь Хайяна уехала, он отправился в супермаркет за продуктами для горячего котла, притащил всё на балкон и, следуя инструкциям из интернета, принялся готовить.

Он просидел так долго, что ноги свело судорогой, а лицо застыло от ветра. Наконец, он увидел, как машина Линь Хайяна возвращается, и в сердце забрезжила надежда. Он пристально вглядывался в закрытую балконную дверь соседа, глаза, казалось, готовы были вылезти из орбит, пока оттуда не высунулась удивлённая голова.

Лин Чэн использовал весь свой многолетний актёрский опыт и, наконец, заманил цель. На лице его не дрогнул ни один мускул, но под столом он уже потирал ногу о ногу от внутреннего ликования.

Когда ноги перестали неметь, он встряхнулся, одним махом занёс внутрь стол, мангал, котёл и все виды мяса и яиц, как раз когда раздался тихий звонок в дверь.

Линь Хайян был закутан, как капустный кочан. Поднимаясь на лифте и глядя на мигающие кнопки, он размышлял о дрожащей руке Лин Чэна и пребывал в полном недоумении: «Неужели брат Лин так любит есть горячий котёл?..»

Тут он вспомнил, как одна фанатка писала, что обожает горячий котёл, но одной есть неинтересно — обязательно нужно звать компанию. Может, Лин Чэн был из таких же!

К тому же он и сам был голоден. Линь Хайян, полностью убедив себя в этой логике, довольный вышел из лифта и нажал на кнопку звонка. Едва он успел убрать палец, как дверь открылась, и он увидел бесстрастное лицо Лин Чэна: «Пришёл?»

«Пришёл!» — ответил Линь Хайян и с любопытством осмотрелся. Он снял обувь, и Лин Чэн поставил перед ним пушистые тапочки в виде собачки. Надев их, Линь Хайян осторожно прошёл внутрь.

Интерьер квартиры Лин Чэна был примерно таким, каким он его и представлял: обилие тёмных тонов, синего и чёрного. Неожиданностью было лишь то, что мебели было мало — только самое необходимое. Бросалась в глаза лишь огромная кровать в центре комнаты, застеленная толстым одеялом и уставленная разнообразными мягкими подушками и валиками, что создавало уютное гнёздышко. Линь Хайян позавидовал.

...А всё потому, что он сам не любил заправлять кровать. Обычно она так и оставалась смятой, к тому же маленькой и заставленной вещами. Мама постоянно ругала его, говоря, что он спит в собачьей конуре.

«Голоден?» — Лин Чэн закатал рукава и холодно поманил его: «Иди сюда».

Линь Хайян обернулся и увидел, что на фоне крайне аскетичного интерьера особенно вызывающе смотрелся пёстрый низкий столик, на котором стоял булькающий маленький котёл. Лин Чэн с каменным лицом сидел напротив, окружённый со всех сторон продуктами — бараниной, свининой, рыбой, говядиной...

Линь Хайян остолбенел: «Брат Лин, ты купил столько...?»

Лин Чэн на мгновение замешкался, опустил взгляд на разложенное вокруг и с некоторой неуверенностью ответил: «...У меня большой аппетит».

«В-вот как...» — Линь Хайян отнёсся к этому с лёгким сомнением, но всё же радостно уселся напротив Лин Чэна.

Маленький котёл дымился, пар клубился и поднимался вверх. Кипящий бульон источал волны аромата. Лин Чэн расставил перед ним пиалу и палочки, затем с серьёзным видом принялся забрасывать в котёл продукты. Линь Хайян не выдержал и заговорил первым: «Брат Лин, я сегодня утром снимался в клипе!»

Лин Чэн поднял на него глаза: «С кем?»

Линь Хайян продолжал радостно рассказывать: «С Цзи Сяобин, с той девушкой, с которой мы недавно ужинали».

Рука Лин Чэна замерла. «А».

Линь Хайян ждал продолжения, но разговор не клеился. В комнате воцарилась такая тишина, что было бы слышно падение иголки. Он заёрзал, поворачиваясь то влево, то вправо, чувствуя себя неловко.

Лин Чэн включил телевизор. На экране заиграл сериал «Записи чистых облаков». Линь Хайян мгновенно переключил внимание и с интересом уставился в экран. Лин Чэн постучал палочками по его пиале: «Ешь».

За несколько мгновений в пиале Линь Хайяна выросла целая гора мяса. Он облизнул палочки, едва не пустив слюни, и взглянул на Лин Чэна, который по-прежнему с серьёзным видом опускал в котёл новые порции: «Брат Лин, давай и ты ешь».

«Хорошо».

Так они и сидели. Фоном звучал телевизор, оба сосредоточенно ели. Минут через двадцать на лбах уже выступила испарина, но продукты вокруг Лин Чэна уменьшились лишь на треть.

Линь Хайян, продолжая жевать, тихо и невнятно пробормотал: «Я же говорил, брат Лин, что ты купил слишком много...»

Лин Чэн проигнорировал его и продолжил подкладывать ему мяса. Ложка за ложкой. Линь Хайян ещё не успевал проглотить предыдущую порцию, как в пиале уже выростала новая. Он поспешно поднял руку: «Хватит, хватит, я... я лучше что-нибудь другое попробую...»

На дальнем краю стола лежали говядина, баранина и рыбные шарики — только что из холодильника, покрытые инеем. Брать их было холодно даже рукам. Линь Хайян колебался: хотелось всего, но он не знал, что выбрать.

Лин Чэн взглянул на него и приготовился встать, чтобы подать. Но едва он напрягся, как обнаружил, что ноги не слушаются. Он нахмурился, опёрся о стол и поднялся.

Он встал, но тут острая, пронизывающая боль, похожая на полчище муравьёв, помчалась от ног прямо в мозг. Он сидел, поджав ноги, и не двигался несколько десятков минут, и теперь ноги свело по-настоящему. Лин Чэн дёрнул уголком губ, и всё его тело невольно понеслось вперёд —

Словно птенец, возвращающийся в гнездо, он упал прямо в объятия остолбеневшего Линь Хайяна.

Линь Хайян в одной руке всё ещё сжимал палочки, не желая их выпускать, и только успел выкрикнуть: «Э-эй!!»

На висках Лин Чэна выступили вены. Он пока не мог пошевелиться. Его голова лежала на плече Линь Хайяна, и он слышал лишь приглушённый голос у себя за спиной: «Брат Лин, что с тобой?»

Лин Чэн не особенно хотел говорить: «...Ногу свело».

Их груди плотно прижались друг к другу, передавая тепло. Нога Лин Чэна застряла между коленями Линь Хайяна. Если бы он был другого пола, это был бы классический кадр из романтической манги.

...Разумеется, Лин Чэн вовсе не желал быть тем, кому нужно менять пол. В конце концов, даже если бы кого-то и нужно было обнимать, это должен был делать он, а не кто-то другой.

Услышав его объяснение, Линь Хайян, который уже было начал волноваться, успокоился. Он, наконец, разжал пальцы, выпустив палочки. Одной рукой он аккуратно обхватил Лин Чэна за талию, другой начал похлопывать его по ноге, спрашивая: «Уже лучше?»

По коже Лин Чэна побежали мурашки. Ему было крайне непривычно. «...Почти».

На самом деле, до «лучше» было ещё далеко, но Лин Чэн больше не желал, чтобы его обнимали за талию. Он хотел подняться.

<http://bllate.org/book/16280/1466211>